Газета православного Прихода
храма святого великомученика
и целителя Пантелеимона
посёлка КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благословению
Преосвященнейшего Владимира,
епископа Новокузнецкого и
Таштагольского

Свет Православия

Христос Воскресе!

№ 68

Апрель 2015 г.

ПАСХА ХРИСТОВА!

12 АПРЕЛЯ

В номере:

- Пасхальные Послания с.2-3
- Воскресение Христово с.4-5
- А. Кураев о Пасхе с.5-6
- Календарь с.6
- История Православной Церкви с.7-8

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Высокопреосвященнейшего АРИСТАРХА, Митрополита Кемеровского и Прокопьевского, Главы Кузбасской митрополии

архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви Кемеровской и Прокопьевской епархии и всей Кузбасской митрополии

«Все насладитесь пиром веры,
все воспримите богатство благости!
Никто не бойся смерти,
ибо освободила нас Спасова смерть!».
(Святитель Иоанн Златоуст)

Возлюбленные о Господе боголюбивые архипастыри, пастыри, иноки и инокини и все верные чада Русской Православной Церкви в Кузбассе!

Благоволением Божием мы встречаем великий и светлый праздник Православной Церкви – Воскресение из мертвых Господа Иисуса Христа! Следуя апостольской и святой традиции, приветствуем Вас радостным пасхальным восклицанием:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Воскресение Христово — центральное событие мировой истории, и оно возвращает нас от иллюзий к реальности, оно выводит нас из темного леса человеческих заблуждений к сиянию истины Божией.

Воскресение открывает нам истину о мироздании. Апостол Иоанн, созерцая Крест и Воскресение Спасителя, говорит: «Бог есть любовь». Мы узнаем, что высшая реальность, реальность Святой Троицы, исполнена любви, милости и красоты. Мы узнаем, что зло и грех обречены на исчезновение, что у мира есть будущее — и это будущее невыразимо прекрасно. История — не бессмысленный кровавый хаос, но путь — хотя трудный и трагический — к исполнению Божиего замысла, когда «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11:9). Мироздание — не ледяная пустыня, из которой мы возникли по воле случая, но дом, устроенный для людей небесным Отцом.

Воскресение открывает нам истину о человеке; мы узнаем, что люди драгоценны в очах Бога, настолько драгоценны, что Он Сам облекся в плоть, был распят и погребен за нас, неблагодарных и злонравных.

Человеческая жизнь может казаться эфемерной на фоне мироздания, даже на фоне истории — но Воскресение удостоверяет нас, что человек важнее цивилизаций и долговечнее пирамид, что Бог призывает нас к вечной, блаженной жизни, в которую каждый может войти покаянием и верой. Святой Феофан Затворник, рассуждая о словах святого апостола Павла «Христос — первенец из умерших», говорит о Воскресении, уготованном всем людям: «Христу как Первенцу надлежало пройти весь путь восстановления, чтобы проложить дорогу восстановляемым. Для того умирает, чтобы разрушить силу смерти, для того воскресает, чтобы для всех положить основание воскресения, для того входит в славу, чтобы и всем открыть дверь ко вступлению в сию славу... За Ним как за Начатком конечно последует все человечество». Сквозь все скорби века сего мы прозреваем тот великий день, когда «поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц» (Ис. 25:8).

Церковь живет во свете этого великого дня, который предвосхищен Воскресением Христовым и несомненно нам обещан. Поэтому жизнь христианина — это не просто более нравственная жизнь; это жизнь, построенная на фундаменте Воскресения. Церковь призывает всех людей прийти к Воскресшему, чтобы обрести новую жизнь — жизнь, исполненную смысла и надежды.

Как пугает и страшит нас смерть, которую мы видим постоянно, порой ежедневно. В своей жизни каждый человек проходит через испытания, страдания физические и духовные. Как часто при этом мы говорим о торжестве несправедливости, о победе зла над добром! Сколько человеческих жизней разбивается о тайну смерти и могущества зла! Для того, чтобы избежать разочарования и уныния, следует помнить: зло уже повержено. Оно побеждено Воскресением Христовым. Когда мы наблюдаем видимое торжество зла и негодуем на это, то должны не забывать: зло – призрак, его сила упразднена. За Крестом следует Воскресение. Христос воскрес из мертвых и тем самым победил зло. Чтобы быть сопричастником этой победы, мы должны быть вместе со Христом. Тогда за нашим крестом всегда будет воскресение, за призрачной победой зла – подлинная победа добра, за скорбью – радость!

Великий День Пасхи — это день, когда каждый из нас может выбрать путь веры и спасения, путь, следование которым принесет добрые плоды — и во времени, и в вечности.

Благодарим архипастырей и пастырей Кузбасской митрополии, которые усердно, с любовью о Господе совершают свое служение, укрепляя людей в вере и помогая им в испытаниях. Благодарим Губернатора и Администрацию Кемеровской области, всех тружеников церковных и православный народ Кузбасса за вашу любовь к Церкви Христовой, за молитвенную поддержку, которую мы, служители алтаря Господня, ощущаем постоянно.

От всего сердца поздравляю вас, возлюбленные отцы, братья и сестры, с праздником Светлого Христова Воскресения! Радость, мир, благодатную помощь Свою в добрых делах да дарует всем нам Восставший из гроба Спаситель мира!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС !

АРИСТАРХ
Митрополит Кемеровский и Прокопьевский
Глава Кузбасской митрополии

Пасха Христова

2015 год г.Кемерово

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ВЛАДИМИРА, ЕПИСКОПА НОВОКУЗНЕЦКОГО И ТАШТАГОЛЬСКОГО, ПАСТЫРЯМ, ДИАКОНАМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕКВИ НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ

«...Не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого;

Он воскрес, Его нет здесь.

Вот место, где Он был положен». (Мк. 16, 6).

Христос Воскресе!

В этих словах содержится смысл нашей веры, ими мы свидетельствуем о том, во что верим. Они являются фундаментом, на котором созидается жизнь христианина, Новозаветной Церкви и всего мира. Воскресение Христово, Пасха Господня - это праздников Праздник и Торжество из торжеств. Святая Церковь в духовной радости и ликовании восклицает: "Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь".

В подвигах поста и молитвы мы провели дни Святой Четыредесятницы и в эту пасхальную ночь становимся участниками духовного пира радости. Жены-мироносицы, пришедшие рано утром в первый день недели помазать тело Иисуса, нашли гроб пустым. Их страх и недоумение развеял Ангел, возвестивший им: "Он воскрес, Его нет здесь" (Мк.16,6). Радостную весть о Воскресении Христовом жены-мироносицы принесли апостолам, и с этого момента она стала главным предметом апостольской проповеди и миссии Церкви Христовой. Поэтому не случайно святой апостол Павел с такой силой напоминает коринфским христианам: "А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша" (1 Кор.15,14). Но Христос Воскрес - и торжествует жизнь, Христос - Воскрес и смерть побеждена, Христос Воскрес - и нам дарована вечная жизнь. Поэтому сердце каждого верующего преисполнено духовной радости. И эта радость дает нам силы преодолевать трудности нашего земного бытия, является источником надежды на вечную жизнь со Христом.

Воскресение Христово является величайшим чудом в истории мира. Своим Воскресением Господь наш Иисус Христос положил начало всеобщему воскресению. Святой апостол Павел свидетельствует: "Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут " (1 Кор. 15, 20-22). Эту истину святые отцы запечатлели в Никео-Цареградском Символе веры: “Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века”.

Воскресший Христос вернул нам все, чего мы лишились через грехопадение наших прародителей, разрушил разделение между Богом и людьми, открыл нам врата Рая, даровал нам возможность именовать себя детьми Божиими.

В эту неповторимую пасхальную ночь в храмы приходят верующие, чтобы вместе объединиться вокруг Воскресшего Господа. Осознавая свое единение с Ним и друг с другом, они выражают свою радость вечно живым приветствием "Христос Воскресе!" - "Воистину Воскресе!". Пасха Христова - это дар Божественной любви, который мы должны нести в мир и свидетельствовать об истине Воскресения. Это священная миссия каждого христианина, всей Церкви Христовой.

После Своего славного Воскресения Христос Спаситель явился апостолам и они стали проповедниками истины Воскресения Христова и запечатлели верность этой истине своей мученической смертью. Следуя их примеру, многие поколения христиан как древнего, так и нового времени умирали за Христа с твердой верой в будущее воскресение для вечной жизни с Ним. Своей проповедью и силой веры они бросили вызов миру и победили его. Это воодушевляет и каждого из нас нести свой жизненный крест, не страшиться трудностей и искушений, памятуя слова Христа Спасителя: "Я с вами во все дни до скончания века" (Мф. 28, 20). Он с нами в радости и скорби, в здоровье и болезни, в успехах и неудачах. Он наполняет Собою все, живет на земле и в душах верующих людей. Он шествует с нами по жизненному пути, как некогда шествовал с двумя учениками по дороге в Эммаус. За каждой Божественной литургией Он познается нами в преломлении Хлеба.

Задача каждого человека, живущего на земле, познать Бога, познать Его святую волю, Его учение и сообразовать свою жизнь так, чтобы она была проповедью истины Воскресения Христова. Его жизнь должна оправдывать высокое звание христианина. В наше время свидетельство о Христе - подвиг. Но без этого подвига невозможно торжество правды и истины в этом мире. Мы являемся соработниками Божиими на Его ниве и от нашей жизненной позиции зависит состояние духовного климата в нашем сердце, в нашем обществе и государстве. Вера в Господа Иисуса Христа, в Его Воскресение должна пронизывать все стороны жизни и деятельности человека. Она является движущей силой, обновляющей человеческое естество и все мироздание. Источник этой веры - Воскресший Христос Спаситель, от Него и с Его помощью научимся любить Бога, Святую Церковь, наше Отечество и друг друга. Таким образом мы внесем в этот страждущий мир единство любви и мира.

Дорогие братья и сестры! Сердечно поздравляю Вас с великим и светлым праздником Пасхи Христовой! Воскресший из мертвых Христос Жизнодавец да укрепит каждого из Вас в вере и любви, пошлет Свою всесильную помощь, старым и больным даст крепость и силы, вдовам и сиротам будет отрадой и утешением, семьям пошлет мир и согласие, молодежи и детям чистоту и целомудрие.

В единой вере в Воскресшего Спасителя, едиными устами и единым сердцем вместе с Ангелами воспоем радостную песнь: "Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити".

Воистину Воскресе Христос!

ВЛАДИМИР
Епископ Новокузнецкий и Таштагольский

ПАСХА ХРИСТОВА

2015г.

Новокузнецк

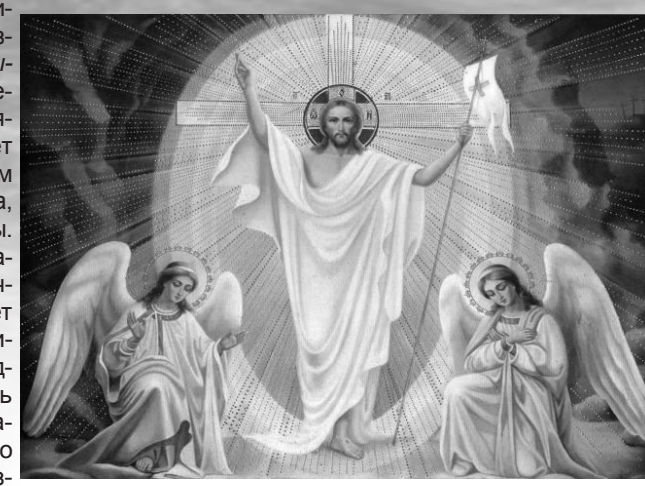
Воскресение Христово

Христос Яннарас «Вера Церкви»

ВОСКРЕСЕНИЕ

Христос воскрес на третий день после погребения. Текст Писания, а также иконография и церковная гимнография представляют воскресение Господне косвенным путем, через посредство таких образов, как пустая гробница, Ангел, отваливший камень от ее входа, сброшенные погребальные пелены. При этом, в отличие от описания воскрешений, совершенных Самим Иисусом, отсутствует какое-либо указание на конкретный момент, в который мертвое тело Христа вернулось к жизни. Однако нет недостатка в свидетельствах о явлении Христа «во плоти» после его воскресения: Он предстает перед женами-мироносицами, перед учениками по дороге в Эммаус, на иерусалимской вечере и на берегу Тивериадского озера.

Согласно опыту и учению Церкви, воскресение Христово отлично от тех воскрешений, что Он Сам совершал во время Своей земной жизни. Слово Божие восстанавливает жизнедеятельность в мертвых телах Лазаря, сына вдовы из Наина или дочери Иаира, как восстанавливает, при совершении других чудес, частные биологические функции: возвращает зрение слепому, слух и речь – глухонемому и способность ходить – паралитику. Тем не менее, тела воскрешенных остаются смертными и тленными, все эти люди в конечном счете не избежали смерти, ибо и после воскрешения над ними тяготели последствия грехопадения. Чудеса воскрешения, описанные в Евангелиях, служат в глазах людей неоспоримым доказательством Божественного всемогущества, то есть Его свободы от каких бы то ни было естественных ограничений. Это могущество, однако, в состоянии преодолеть законы природы, но не может изменить *образ ее бытия*. Такое превращение невозможно навязать извне; оно может быть лишь результатом свободного выбора, актом личной свободы. Как уже подчеркивалось выше, именно личность ипостазирует жизнь и бытие, реализуя их либо как природную самодостаточность (подчиняя существование нуждам тварного естества), либо как жизненосную связь и единение в любви с Богом (освобождая природу от смерти и тления). Но любовь нельзя навязать извне.



Именно этот акт свободы и был совершен Христом на кресте и экзистенциально[1] явлен в Его воскресении. Своей покорностью Отчей воле «вплоть до смерти» Христос привел человеческую природу к совершенному отказу от всяких претензий на экзистенциальную самодостаточность, преобразовав естественное бытие в сопричастность Божественной любви и свободное подчинение Его воле. Отныне наше естество, имея источником своего существования единение с Богом, более не умирает. Несмотря на свою тварность, оно живет теперь по образу нетварного бытия. Воскресшее тело Христово есть тело материальное, тварное по природе, но отличие его от прочих воскрешенных тел в том, что отныне оно существует по образу нетварного, то есть свободно от всякого подчинения естественной необходимости. Оно осязаемо, доступно чувственному восприятию, состоит из «плоти и костей» (Лк. 24:39); оно способно усваивать пищу, как любое другое тело (воскресший Христос ест рыбу и сотовый мед перед глазами учеников: Лк.24,42-43), да и язвы от гвоздей видны на руках и ногах вполне отчетливо. Но, с другой стороны, это же тело входит в дом, двери которого заперты (Ин. 20:19), становится невидимым в Эммаусе после преломления хлеба (Лк. 24:31) и в конце концов возносится на небеса (Лк.24,51; Мк.16,19), утверждая в славе Божественной жизни «прах» человеческой плоти.

Преображение образа бытия, которое претерпела человеческая природа Христа после воскресения, также обозначено в Евангелиях косвенно, ибо невозможно определить и описать его в «объективных» категориях нашего повседневного опыта. Библейский текст указывает на некое изменение: Христос после воскресений – Тот же, известный нам «Сын человеческий», но явившийся «в ином образе» (Мк. 16:12). Мария Магдалина, встретившая Христа в саду возле гробницы, принимает его за садовника; путники, идущие в Эммаус, – за обыкновенного прохожего. Ученики, ловившие рыбу в Тивериадском озере, встречают Учителя на берегу, но им и в голову не приходит, что это Он. Прозрение во всех этих случаях наступает внезапно, как вспышка света, но вначале никто не узнает воскресшего Христа. В чем же отличие этого нового состояния, сделавшее Его неузнаваемым? Тут явно есть нечто, о чем не говорится прямо, но что ощущалось при непосредственном контакте: если связь с Ним была ограничена Его видимой индивидуальностью, то, возможно, Ипостась Его, освободившаяся от индивидуальной самодостаточности, оказалась в первый момент неузнаваемой. Мы не в состоянии выразить в словах этот опыт; позволим себе лишь предложить свою интерпретацию: тело воскресшего Христа представляет собой человеческую природу, свободную от какой-либо ограниченности и необходимости; это нормальное человеческое тело из плоти и костей, однако жизнь его основана не на биологических функциях, но на ипостазировании истинного, реального бытия благодаря личной связи с Богом – единственным источником подлинной жизни.

СОЛИДАРНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

Воскреснув из Мертвых, Христос воскресил вместе с Собою Адама и весь род людской, то есть каждое человеческое существо. Наш индивидуализм мешает понять эту экзистенциальную связь между человеком и всем человечеством, между личностью и всеобщей природой. Каким образом универсальная человеческая природа оказалась, в лице Адама, отрезанной от источника жизни и как во Христе и со Христом эта же самая природа воскресает и животворится? Философские категории вряд ли смогут помочь нам разобраться в этих событиях. Между тем, именно здесь сосредоточена тайна греха и спасения, познать которую необходимо, если мы хотим понять трагический смысл человеческой истории.

«Как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1Кор.15,21-22). Апостол Павел настаивает на том, что единая природа человека сосредоточена в одной личности, но указывает на это лишь в образно-символической форме, говоря о разделяющей «преграде», разрушенной «Кровию Христовою» (Еф. 2:13-14), о «дикой маслине», привившейся к доброму корню (Рим. 11:17). Тем не менее, настойчивость, с которой Павел подчеркивает факт уничтожения смерти – смертью же, позволяет нам предложить свою интерпретацию его символики. Можно сказать (невзирая на бедность нашего языка), что личная свобода Христа свободным приятием смерти приводит человеческую природу к целостному отказу от автономности бытия. Поскольку смерть каждого отдельного человека представляет собой неизбежную расплату за экзистенциальную автономию, постольку Божественная любовь принимает каждую смерть так же, как она приняла жертву Сына Божия: как отказ твари от сопротивления Божеству, как ее согласие на воссоединение с Богом.

Итак, в Личности воскресшего и во плоти вознесшегося на небеса Христа Бог воспринимает «всякую плоть», оставляющую в момент смерти претензии на независимость существования. Бог соединяется с каждым человеком и животворит его. Смерть, «последний враг» (1Кор. 15:26), предстает отныне как триумф Божественной любви, как вступление в Царство жизни. Так происходит, «ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный... И как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – то... желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2Кор. 5:1,6,8).

Но и прежде наступления биологической смерти, приходящей, «чтобы смертное поглощено было жизнью» (2Кор. 5:4), всякий добровольный отказ человека от экзистенциальной автономии представляет собой повторение и подражание подобному самоотвержению распятого Сына Божия – перед лицом Божественной любви. Сама плоть, облекающая нас, хоть и не перестает черпать свое бытие и жизнь из собственных биологических функций, принадлежит к тому же естеству, что и плоть воскресшего Христа – сопричастница жизни Троицы. В Его Лице наша единая природа вступает в отношения с Богом, аналогичные отношениям между Отцом и Сыном. Отчая любовь к Сыну воплощенному не есть субъективное переживание, но жизнетворящая и сущетворящая энергия, источник всякого бытия. Равным образом наша тварная ипостась соединяется с потоком жизни, пронизывающем нашу природу благодаря ее ипостатическому единению с Божеством в Лице Христа. Происходит это тогда, когда индивидуальная человеческая плоть вынужденно (с приходом смерти) или добровольно (при крещении, аскезе или мученичестве) отказывается от упорного стремления к автономии. Следовательно, как Божественная любовь сотворила Словом все существующее в мире, так через воплощенное Слово эта любовь обновляет все тварное бытие, делая его нетленным.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Церковь ожидает «воскресения мертвых и жизни будущего века». Этот мир тления и смерти завершит однажды свой жизненный цикл не для того, чтобы погрузиться во мрак изначального небытия, но чтобы явиться «в ином образе», чтобы воскресшая плоть Христова предстала в своем универсальном, космическом масштабе и мир открылся бы как плоть Бога, «да будет Бог все во всем» (1Кор. 15:28).

Речь идет о «восьмом дне» творения: в противоположность «неделе, погруженной в поток времени», день восьмой «напоминает об образе бытия, внеположном природе и времени». На смену времени, образованному последовательностью преходящих мгновений, придет иное время – время всеохватного единения в любви, совершающееся в бесконечном динамичном преображении «от славы в славу» (2Кор. 3:18). Как бы мы ни пытались сейчас описать эту будущую славу, слова наши останутся лишь бледным намеком на эту реальность, ибо «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1Кор. 13:12).

Именно в пространстве «восьмого дня» проявляется реальность Воскресения, единения Бога со «вселенским Адамом» – со всеми людьми без исключения. Но и тогда это единение, уничтожающее естественную дистанцию между Богом и человеком, ни в коем случае не нарушит свободы человеческой личности. Так, по словам святого Максима, соединение с Богом явится для «достойных» (то есть для принимающих любовь Бога) «божественной и непостижимой радостью», в то время как для «недостойных» (отвергающих возможность любви) оно обернется «невыразимым мучением». Там, в «пространстве восьмого дня», не будет иного жизненного качества, кроме любви судящей и любви оправданной.

В лоне Церкви нам дано заранее отведать хлеба «восьмого дня», закваска для которого ставится в день сегодняшний. Тело Церкви – не что иное, как «начаток» и «залог» будущей славы; здесь мы приобщаемся к жизнетворной пище, преобразуя (в Евхаристии, аскезе, богослужении) индивидуальное выживание в общение любви. Мы существуем благодаря имени, дарованному нам Церковью, – имени, являющему нашу личную ипостась и привлекающему любовь святых, Богоматери, Христа. Не отделяя ныне живущих от усопших, мы совместно приносим наше благодарение («Евхаристию») Господу, ибо на Его любви основано наше бытие. Не только в день всеобщего воскресения мертвых, но и сейчас любовь Божия есть источник существования и жизни всех людей, живых и умерших: «Ибо никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя, а живем ли – для Господа живем, умираем ли – для Господа умираем. И потому, живем ли, или умираем, – всегда Господни» (Рим. 14:7-8).

Каким образом существует, несмотря на тварность природы, личная ипостась умерших, пока не наступит день воскресения мертвых? Почему человеческая ипостась не погибла до воплощения Христа и Его нисхождения во ад? Как проявляется личностная свобода после исчезновения биологической индивидуальности? Ответ на все эти вопросы следует искать не в логических построениях, неспособных преодолеть рамки нашего повседневного опыта, но в опыте доверия к Богу и самоотдаче Божественной любви. Наш индивидуальный разум контролирует индивидуальный доступ к жизни, понятой как индивидуальный способ существования. Вера в Бога предполагает изменение образа бытия, и потому язык веры не имеет ничего общего с индивидуализмом в познании, с интеллектуальной самодостаточностью отдельного человека. Язык веры есть язык хвалы, возносимой в честь любви Божией, язык, призывающий Божественное милосердие. «Безумная» любовь Божия конституирует нашу личностную ипостась и никогда не оставляет ее в одиночестве небытия. Вне признания и приятия этой любви смерть представляет собой чудовищную и необъяснимую бессмыслицу; для верующих, напротив, она есть высший, последний порыв доверия и самоотдачи Богу, «называющему несуществующее, как существующее» (Рим. 4:17).

[1]Экзистенциально - если "не научным языком" - это значит жить, заботясь о своём собственном существовании.

http://azbyka.ru/hristianstvo/sut/vera_tcerkvi_11-all.shtml#a11_10

Пасха — путь из ада, или Почему в Православной Церкви нет иконы Воскресения Христа

Диакон Андрей Кураев

Пасха — это не просто праздник. Это — суть христианства. Если мы внимательно прочитаем апостольские послания и посмотрим те первые проповеди, что приведены в «Деяниях апостолов», нас ждет сюрприз: апостолы не знают никакого «учения Христа». Ни разу они не говорят «как учил нас Господь», не пересказывают Нагорной проповеди и не передают из уст в уста рассказы о чудесах Христовых. Важнее всего этого для них одно: Он умер за грехи наши, но и воскрес. Пасхальные события — вот основа христианской проповеди. Христианство — не «учение», не моралистика, а просто рассказ о факте. Апостолы и проповедуют только факт — событие, очевидцами которого были.

Но при этом они говорят о Воскресении Христовом не как о событии лишь в Его жизни, но и — в жизни тех, кто принял пасхальное благовестие, — потому что «Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас» (Рим. 8,11). Необычность происшедшего со Христом в том, что смерть Его и воскресение «действует в нас» (2 Кор. 4,12).

И с тех пор каждый христианин может сказать: самое главное событие в моей жизни произошло в Иерусалиме, «при Понтии Пилате»…

Что же мы празднуем в Пасху? О богословии говорить современным людям сложно, поэтому присмотримся к тому, что говорит об этом икона.

Но в православной иконографии нет иконы Воскресения Христова! Знакомое всем нам изображение Христа, в белоснежных ризах исходящего из гроба со знаменем в руке, — это позднейшая католическая версия, лишь в послепетровское время появившаяся в российских храмах. Традиционная православная икона не изображает момент Воскресения Христа. Существует, однако, немало икон, надпись на которых говорит, что перед нами «Воскресение Господа нашего Иисуса Христа», а реальное изображение все же повествует о событиях, имевших место днем раньше — в Великую Субботу. Пасхальной иконой Православной Церкви является икона «Сошествие во ад».

Христос на этой иконе как будто абсолютно статичен. Он держит за руки Адама и Еву. Он только готовится извести их из места скорби. Подъем еще не начался. Но только что закончился спуск: одежды Христа еще развеваются (как после стремительного спуска). Он уже остановился, а одежды еще опадают вслед за Ним. Перед нами — точка предельного нисхождения Христа, от нее путь пойдет ввысь, от преисподней — в Небо. Христос ворвался в ад, и сокрушенные им врата ада, разломанные, лежат под Его ногами.

«Сошествие во ад» являет нам, как совершается победа Христова: не силой и не магически-авторитарным воздействием, но — через максимальное «Самоистощание», самоумаление Господа. Ветхий Завет повествует, как Бог искал человека. Новый Завет, вплоть до Пасхи, нам говорит, как далеко пришлось пойти Богу, чтобы найти все же Своего Сына.

Вся сложность иконографии Воскресения связана с необходимостью показать, что Христос — не только Воскресший, но и Воскреситель. Она говорит о том, — зачем Бог пришел на землю и принял смерть.

На этой иконе дан момент перелома, мгновение встречи двух разнонаправленных, но единых по цели действий: предельная точка Божественного нисхождения оказывается начальной опорой человеческого восхождения. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» — такова золотая формула православного понимания человека.

Эти (ранее закрытые) возможности преображения открываются для человека стремительно — «во едином часе». «Пасха» и означает «переход», стремительное избавление. В ветхозаветные времена пасхальным хлебом были опресноки — безквасные хлебы, изготовленные наскоро из теста, которое некогда было даже заквасить. Столь же стремительно свершается и освобождение человечества (уже всего человечества, а не только еврейского народа) от рабства (уже не египетскому фараону, но самой смерти и греху).

Главный смысл иконографии Воскресения — сотериологический. «Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» (2 Тим. 2,11). «Как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его <в крещении>, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним… дабы нам не быть уже рабами греху» (Рим. 6,4-6).

Воскресение Христа — это дарованная нам победа. Или — победа Христа над нами. Ведь мы сделали все, чтобы Жизнь не «жительствовала в нас»: вывели Христа за пределы града своей души, своими грехами пригвоздили Его ко кресту, поставили стражу у гробницы и запечатали ее печатью неверия и безлюбовности. И — вопреки нам, но ради нас — Он все -таки воскрес.

Поэтому иконописец, задача которого — передать пасхальный опыт Церкви — не может просто представить саму сценку исхождения Спасителя из гроба. Иконописцу необходимо связать Воскресение Христа со спасением людей. Поэтому пасхальная тематика и находит свое выражение именно в изображении сошествия во ад.

Распятый в пятницу и Воскресший в воскресение, Христос в субботу нисходит во ад (Еф.4,8-9; Деян.2,31), чтобы вывести оттуда людей, освободить пленников.

Первое, что бросается в глаза в иконе сошествия, — это то, что в аду находятся… святые. Люди в нимбах окружают Христа, сошедшего в преисподнюю и с надеждой смотрят на Него.

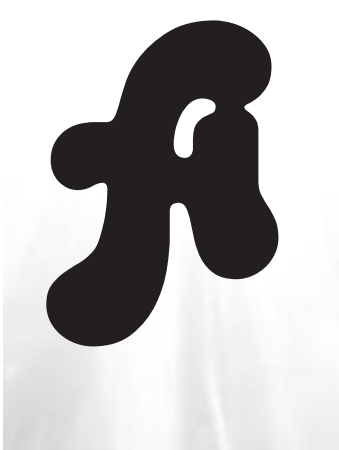
До Пришествия Христова, до того, как Он соединил в Себе Бога и человека, для нас был закрыт путь в Царство Небесное. С грехопадения первых людей в структуре мироздания произошла подвижка, которая перервала животворящую связь людей и Бога. Даже в смерти праведник не соединялся с Богом.

Состояние, в котором пребывала душа умерших, в древнееврейском языке обозначается словом «Шеол» — безвидное место, сумеречное и без-образное место в котором ничего не видно (Иов. 10,21-22). Это скорее состояние тяжкого и бесцельного сна (Иов. 14,12), чем место каких-то конкретных мучений. Это «царство теней», эта мнимость в своем мареве скрывали людей от Бога. Древнейшие ветхозаветные книги не знают идеи посмертной награды, не ожидают рая.

В связи с этим в атеистической литературе встречается утверждение, что здесь пролегает непроходимая пропасть между Ветхим и Новым Заветом: новозаветная ориентация на бессмертие души не находит подтверждения в Ветхом Завете и противоречит ему. Тем самым в очень существенном пункте единство Библии ставится под сомнение. Да, Экклезиаст без всякой надежды вглядывается в пределы человеческой жизни. Псалмопевец Давид с плачем размышляет о скоромимоходящести человеческой жизни: «Человек яко трава, дни его яко цвет сельный, так оцвете, яко дух пройдет в нем и не будет»… И Иов вопрошает, очевидно, не ожидая ответа: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» (Иов.14.14).

Да, ветхозаветным людям не было ясно открыто наличие жизни и после жизни. Они могли предчувствовать, жаждать этого — но явно им ничего не было сказано. Ведь говорить, что за смертью их ждет жизнь в Боге, Царство Небесное, — значит утешать их и обнадеживать, но ценой обмана. Ибо до Христа оно еще не могло вобрать в себя мир, и никто из мира не мог вместить его в себя. Но и говорить людям Ветхого Завета правду о Шеоле — значило провоцировать в них приступы безысходного отчаяния или надрывного эпикурейства: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»

И вот пришло время, когда надежды, казалось бы обманутые, все же оправдались, когда исполнилось пророчество Исаии: «На живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. 9,2).



д обманулся: он думал принять свою законную дань — человека, смертного сына смертного отца, он приготовился встречать назаретского плотника, Иисуса, Который обещал людям Новое Царство, а сейчас и Сам окажется во власти древнего царства тьмы — но ад вдруг обнаруживает, что в него вошел не просто человек, а — Бог. В обитель смерти вошла Жизнь, в средоточие тьмы — Отец Света.

Впрочем, и смысл, и событийное настроение Пасхи нам не удастся передать лучше, чем это сделал святитель Иоанн Златоуст: «Пусть никто не рыдает о своем убожестве, ибо явилось общее Царство. Пусть никто не оплакивает грехов, ибо воссияло прощение из гроба. Пусть никто не боится смерти, ибо освободила нас Спасова смерть. Воскрес Христос и Жизнь пребывает. Воскрес Христос и мертвый ни един во гробе!».

«Свой пришел к своим». Кто эти «свои»? Святые цари и пророки, праведники Ветхого Израиля? Да! Но что говорит Златоуст? Разве говорит он: «Ни единого иудея во гробе» (в духовном гробе, в Шеоле)? Нет, — вообще «мертвый ни един».

Знали ли русские иконописцы, что древнейшие православные святые считали «христианами до Христа» праведных язычников-философов? «Сократ и Гераклит и им подобные, которые жили согласно с Логосом (Словом), суть христиане» (святой Иустин Мученик). Все те, кто искал Единого Бога и во имя Его подавал своему ближнему «хоть чашу холодной воды», чья совесть вела к служению Богу и добру,- все они искали именно Христа (еще не зная Его имени) и были узнаны и признаны Им как Его и спасены. Так считали древнейшие отцы Церкви, и даже во время, когда язычество было еще сильно, они не боялись узнавать правду в ее формально нехристианских облачениях — и воцерковлять ее. Нехристианские мыслители (если они учили добру) почитались неправомочными обладателями не им принадлежащей истины, а сама Истина почиталась Единой и предугадываемой всеми духовно ищущими людьми. И потому — как Моисей приказал еврейскому народу во время пасхального исхода забрать все золото из египетских домов (ибо оно было заработано евреями за столетия их рабства), — так и христиане должны приносить в Церковь все лучшее; все духовное золото, наработанное человечеством вне церковной ограды, «под рабством закона».

Но еще и в «золотую осень» православного средневековья, может быть и незнакомые с Иустином Мучеником, русские и молдавские иконописцы не стеснялись на фресках соборов писать лики дохристианских философов. Может, и на иконах Воскресения Христова они видели и писали не только ветхозаветных праведников, но и всех, заслуживших блаженство «алчбой и жаждой правды». Ведь, как писал ап. Павел, Бог «есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных» (1 Тим. 4,10). Ведь Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2,3-4). Как само Пришествие в мир Слова означает суд, состоящий в том, что то, что было от света, — приняло Свет, потянулось к Нему и просветлилось, а те, чьи дела были злы, возненавидели Его (Ин. 3,19-21), — так не только в этическом, но и в познавательном плане обретение полноты Истины необходимо «судит» все остальные человеческие мнения. «Истинное Слово, когда Оно пришло, показало, что не все мнения и не все учения хороши, но одни худы, а другие хороши» (святой Иустин Мученик).

То, что казалось почти неразрешимым, равнодоказательным; что обладало, казалось бы, одинаковым достоинством полуистины-полулжи — при свете Истины, воссиявшей в сумерках безблагодатного богоискания, оказалось совсем не столь равнозначным. Усталая релятивистская мудрость дохристианского мира оказалась освещенной Солнцем Правды — Христом. И все сразу стало иным. <…>

То, что выдерживало сравнение со Светом, выявляло свое родство с Ним, — соединялось с Ним, и принималось Церковью.

«Свет Христов просвещает всех». Может быть, именно это хотел сказать древний иконописец, помещая на иконе Воскресения среди встречающих Спасителя людей не только с нимбами, но и без них.

На первом плане иконы мы видим Адама и Еву. Это первые люди, лишившие себя богообщения, но они же дольше всего ждали его возобновления.

Рука Адама, за которую его держит Христос, бессильно обвисла: нет у человека сил самому, без помощи Бога, вырваться из пропасти богоотчужденности и смерти. «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7,24). Но другая его рука решительно протянута ко Христу: Бог не может спасти человека без самого человека. Благодать не насилует.

По другую сторону от Христа — Ева. Ее руки протянуты к Избавителю. Но — значимая деталь — они скрыты под одеждой. Ее руки некогда совершили грех. Ими она сорвала плод с древа познания добра и зла. В день падения Ева думала получить причастие к Высшей Истине, не любя саму Истину, не любя Бога. Она избрала магический путь: «вкусите и станете», подменив им трудную заповедь «возделывания»… И вот теперь перед нею снова Истина, ставшая плотью, — Христос. Вновь Причастие Ему способно спасти человека. Но теперь Ева знает, что к Причастию нельзя приступать с самоуверенностью… Теперь понимает: все существо человека должно пронзить «рассуждение», — к Кому дозволено ему причаститься…

И Ева не дерзает самочинно коснуться Христа. Но моля, ждет, когда Он обратится к ней.

Прежде, в раю, одеждой людей была Божественная Слава. «Совлекшись» ее после грехопадения, после попытки стяжать всю полноту этой Славы бесславно-техническим путем, и явилась потребность в материальной одежде. Свет стал обличать обнаженность людей от добрых дел — и от него потребовалась защита, ибо при этом свете, ставшем теперь внешним для них и извне обличающим, «узнали они, что наги» (Быт.3,7). Одежда служила тому же, чему позже станут служить города — самоизоляции, ставшей, увы, необходимой (город — от «городить, огораживать»).

То, что сейчас, в момент, изображенный на иконе, Ева вся, с головы до ног, покрыта одеждой, — это еще и знак ее покаяния, понимание всецелой своей отделенности от Бога (одежда дана людям после грехопадения). Но именно поэтому — и спасена Ева. Спасена, — ибо покаялась.

Иконописец всегда, когда надо показать встречу человека и Бога, Вечного и временного, стремится явить не только сам факт встречи, но и значение человека в ней, его личное, выбирающее, верующее отношение к Встреченному. В данном случае об этом говорят не только лик или жесты, но и одежды.

А поскольку тем самым вводится тема покаяния, икона в душе молящегося совмещает Великую Субботу (когда было сошествие во ад) и Пасхальное воскресение. Совмещает покаянные чувства завершающих дней Великого поста и всерастворяющую радость Пасхи.

«На Страстной, среди предпраздничных хлопот, сугубо постились, говели… К вечеру Великой Субботы дом наш светился предельной чистотой, как внутренней, так и внешней, благостной и счастливой, тихо ждущей в своем благообразии великого Христова праздника. И вот праздник наконец наступал, — ночью с субботы на воскресенье в мире свершался некий дивный перелом, Христос побеждал смерть и торжествовал над нею» (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Воскресение Христово связано со спасением людей. Спасение человека — с его Покаянием и обновлением. Так встречаются в Воскресении «усилья» человека и Бога. Так решается судьба человека — та судьба, о которой вопрошал Бунин: «Бог ли человек? Или «сын бога смерти»? На это ответил Сын Божий».

И вновь скажу: это не «мифология» или «теоретическое богословие». Что более соответствует природе человека: христианское свидетельство о пасхальном чуде или тяжеловесная рассудочность «научного атеизма» — легко опытным путем установить в эти пасхальные дни. Вот если я скажу вам: «Христос воскресе!» — вскольхнется ли ваше сердце ответным: «Воистину воскресе!» — или вы прикажете ему промолчать?.. А лучше — поверить сердцу!

http://www.pravmir.ru/pasxa-put-iz

Православный календарь на апрель-май 2015 года

12 апреля – Пасха
13 – 18 апреля – Светлая седмица-сплошная (поста нет)
18 апреля – Светлая суббота (раздача артоса)
21 апреля – Радоница (поминовение усопших)
26 апреля – Воскресение святых жен-мироносиц (православный женский день)
3 мая – Воскресенье о расслабленном
6 мая – Великомученика Георгия Победоносца
9 мая – День Победы. Поминовение усопших воинов
10 мая – Воскресенье о самаряныне
17 мая – Воскресенье о слепом
21 мая – Вознесение Господне
22 мая – Святителя Николая Чудотворца
24 мая – Воскресенье святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских
30 мая – Троицкая родительская суббота
31 мая – Воскресенье. День Святой Троицы. Пятидесятница
1 июня – День Святого Духа. Седмица сплошная (поста нет)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-67)

"Хотя каждый пастырь председательствует над своим собственным стадом с особой ответственностью, - провозглашает св. Лев в одной из своих проповедей, - у нас есть обязанность, которую мы разделяем со всеми ними: на самом деле функция каждого из них - это часть нашей работы; и когда люди обращаются к седалищу блаженного апостола Петра со всех концов всего мира и ищут от нашей полноты его любви ко всей Церкви, врученной ему нашим Господом, тем больше наша обязанность по отношению к каждому из них и тем тяжелее мы ощущаем груз, лежащий на наших плечах".

Действительно, если Тело Христово не выражено во всей полноте в сакраментальной, исполненной Св. Духа реальности местной евхаристической общины, но идентифицируется, как считал св. Лев, с эмпирической организацией всемирной Церкви, то она должна возглавляться единым главой, наделенным монархической властью. Следовательно, подлинный престол Петров находится только в Риме.

Такое монархическое видение вселенской Церкви - настолько же монархическое, насколько монархична была Римская империя, - подвигнуло многих исследователей считать папу Льва предтечей теории папской непогрешимости и всемирной юрисдикции в той форме, в которой они были сформулированы на Первом Ватиканском соборе (1870). Но необходимо понимать, что в V в. нигде, ни на Востоке, ни на Западе, римский епископ не обладал такой властью, которая логически вытекала из убеждений папы Льва, поэтому мы можем говорить лишь о глубоком внутреннем мистическом убеждении папы, совершенно не сообразующемся с современной ему реальной действительностью. А между тем папа Лев был вполне реалистичным политиком и очень хорошим администратором; он и сам понимал разницу между теорией и практикой: где мог, продвигал свои убеждения, где не мог - довольствовался необходимым. Но впоследствии, по мере того как авторитет и власть римской кафедры будут на Западе возрастать, это внутреннее убеждение папы Льва все более будет применяться на практике.

3. В Риме Лев активно боролся с манихеями и добился от императора Валентиниана издания декрета, который формально объявлял манихеев вне закона. Это было первое в истории сотрудничество Церкви и государства в осуществлении религиозного гонения. Нужно сказать, что роль Империи, по мнению папы Льва, и заключалась в такого рода поддержке Церкви.

Будучи епископом римским, папа Лев обладал правами митрополита в Центральной и Южной Италии и на островах. Ежегодно в день его хиротонии (29 сентября) проходил собор епископов в Риме. Именно на этих соборах в своих выступлениях папа Лев высказывал свои взгляды на достоинство и власть "наследника Петра".

Но в реальности власть его была весьма ограничена. В Испании и Африке, занятых варварами, он никакого влияния не имел. В Галлии он вел серьезную борьбу со **св. Иларием Арльским** и победил - также при помощи имперского вмешательства. Это произошло следующим образом: в 444 г. св. Иларий Арльский, посетив Безансон - за границами арльской юрисдикции, - снял сан с местного епископа **Целидония**, когда открылось, что он был женат на вдове и еще до своего посвящения, будучи гражданским магистратом, подписывал смертные приговоры. Целидоний послал апелляцию в Рим, и папа Лев принял его в общение. Св. Иларий немедленно прибыл в Рим с протестом против вмешательства Рима во внутригалльские дела. Однако, по распоряжению Льва, он был арестован и брошен в темницу. В конце концов имперским декретом епископ арльский был лишен своих привилегий. Судя по всему, св. Иларий и св. Лев так и не примирились, и первый скончался в 449 г. вне общения с Римом.

Следует отметить, что Западная Церковь никогда не собиралась на едином соборе. Это значит, что история не знает ничего похожего на Западный Патриархат, о котором любят сейчас говорить некоторые ученые и богословы.

Но с исторической точки зрения теории о "патриархе Запада" - не более чем фантастические мечтания, не имеющие никакого отношения к реальным фактам. Мы можем говорить лишь об исторически существовавшем митрополите Римском и о потенциальной базе для развития патриархатов в Карфагене, Арле, Аквилее и Салониках.

При этом, нужно еще раз добавить, что Римская Церковь действительно пользовалась на Западе особым нравственным и догматическим авторитетом. И папа Лев сделал очень много для поддержания и развития этого авторитета как на Западе, так и на Востоке.

Интересна и роль папы Льва в христологических спорах. Он высказывал свою точку зрения твердо, четко и ясно, но часто не задавался трудом ознакомиться с реальной обстановкой на месте, куда было направлено его послание. Думается, мы имеем дело с его твердым убеждением, что его устами вещает сам св. Петр.

В письме Халкидонскому Собору, сопровождавшем его томос, говорилось, что легаты должны председательствовать на Соборе вместо самого папы и что в их обязанность входит не допускать никаких богословских споров, т.к. все, что нужно, уже содержится в томосе. Неудивительно, что легатам позволили официально зачитать это письмо лишь в конце 16-го заседания, когда все дебаты были практически завершены. Вспомним и то, что томос был принят лишь после проверки и его сравнения с учением св. Кирилла!

И после этого Собор принял свой знаменитый 28-й канон: "Ибо и престолу Древнего Рима *отцы, как и подобает, дали преимущества*, пот ому чт о он был царствующим городом... Такие же преимущества подобают и святейшему престолу Нового Рима... Город, получивший честь быть городом императора и сената и имеющий равные преимущества с древним императорским Римом, был бы... подобно ему возвеличен и в церковных делах и стал бы вторым после него". То есть в каноне утверждалось, что верховенство Первого Рима, так же как и Второго, было утверждено отцами, а вовсе не св. Петром.

Интересно, что папа Лев, не принимая этот канон (и, кстати, весь Собор из-за него), вместе с тем не выдвигал на Востоке своих петровских теорий, зная, что его просто не поймут. Тут он показал себя реалистом и тонким дипломатом. Он вновь сослался на канон Никеи, говорящий лишь о трех существующих церковных центрах: Рим, Александрия и Антиохия. Лев напоминал, что Константинополь там не упоминался (он и не мог упоминаться, так как такого города во время I Вселенского Собора просто не существовало), и говорил, что Халкидонский канон нарушает никейские постановления. Сам-то он считал (совершенно недоказуемо) упомянутые на Никейском Соборе три кафедры (Рим, Александрия и Антохия) Петровыми.

Очевидно, что глубокое внутреннее убеждение в собственной, как наследника св. Петра, ответственности за судьбу всей Церкви никогда не покидало папу Льва. Но также очевидно, что эта его убежденность в V в. была совершенно нереалистична и неприложима к жизни. И св. Лев приспосабливался к этому положению как мог, не теряя ни личного достоинства, ни любви к Православию и единству Церкви, характеризовавших его выдающуюся личность.

4. После того как императоры переехали в Равенну, римский епископ стал главным человеком в столице. Падение Империи в 476 г. еще более укрепило это положение. Готские властители не только проявляли чрезвычайную терпимость к кафолической Церкви, но и были также заинтересованы в использовании ее в качестве канала дипломатической связи с императором в Константинополе.

Папы жили во дворце в Латеране, там же был и их кафедральный собор. Следующими по значимости в Риме были три мартирии, построенные в форме базилик: св. Петра на Ватиканском холме, св. Павла на дороге в Остию и Девы Марии (Санта Мария Маджоре) на Эсквилинском холме. Кроме того, в Риме было 28 приходских церквей. Епископа выбирали клирики и избранные миряне из этих церквей, а хиротонисали соседние епископы.

После падения Империи избранного кандидата утверждал готский король-арианин. Первые выборы папы, прошедшие после официального исчезновения Западной империи (476 г.), прошли в 483 г., по смерти папы Симплиция. Клирики и сенаторы, собравшись вместе, под председательством преторианского префекта, представлявшего короля Одоакра, избрали папу Феликса. Таким же образом прошли выборы нескольких следующих пап.

Но в **498 г.** произошел кризис: римское духовенство избрало папой Симмаха, а сенаторы-аристократы - Лаврентия. Оба кандидата были хиротонисаны. Теперь утверждение папы зависело от выбора готского короля - арианина Теодориха. Так как сенаторы держались провизантийских позиций, он, после долгих колебаний, поддержал Симмаха. Так он по сей день и считается папой, а Лаврентий - антипапой. Кризис положил начало так называемому "лаврентианскому расколу". Но, чтобы узнать, что из этого всего вышло, нужно вернуться в Византию и увидеть, что там делалось после Халкидона.

XX. Монофизитские споры после Халкидонского Собора

1. Вернемся к развитию событий после Халкидонского Собора в Восточной империи.

Итак, "на Халкидонском Соборе отцы, последовав ясно выраженному желанию императора, составили новую формулу веры, не чувствуя острой необходимости в ней и выразив ее на богословском языке, который был для них весьма непривычным", - пишет французский ученый Гюстав Барди. Подавляющее большинство иерархов того времени не были сторонниками Евтиха, и почти все они были шокированы скандальным поведением Диоскора, но авторитет св. Кирилла был для них абсолютен. Они принимали и папу Льва, но только как противоядие против евтихианства, как, впрочем, и сам халкидонский орос. Увы, лишь немногие из них были настоящими богословами, так что в годы, непосредственно следовавшие за Собором, единственным авторитетным защитником Халкидона на Востоке оставался блж. Феодорит Киррский. Но, несмотря на реабилитацию на Халкидонском Соборе, его репутация была сильно подмочена антикирилловской полемикой. По мнению протопр. Иоанна Мейендорфа, Феодорит никогда так и не смог по-настоящему понять христологию св. Кирилла. Его писания продолжали отражать методологию Феодора Мопсуэстийского - методологию, которая, как полагал блж. Феодорит, теперь уже была легитимизована Халкидоном.

Отсутствие в лагере халкидонцев авторитетных богословов привело к трагическим последствиям. Некому было отстоять подлинные дух и чаяния Собора: что папа Лев, в сущности, "говорил как Кирилл" и что подтверждение полноты человечества Христа после соединения природ было не противоречием, а сбалансированным подтверждением кирилловской христологии.

Началом всему послужило спонтанно начавшееся народное восстание, вызванное низложением и ссылкой Александрийского папы Диоскора. Вера Собора была провозглашена обязательной для всех. В указе императоров Валентиниана и Маркиана, опубликованном 27 января 452 г., было объявлено, что "никто, будь он клирик или государственный служащий, или лицо в любом другом гражданском состоянии, отныне не должен публично спорить о христианской вере... или публично обсуждать вопросы, уже решенные и истинно выраженные" на Халкидонском Соборе. Нарушители указа должны были нести административное наказание и сниматься со своих постов.

2. Первое по времени прямое массовое неприятие Собора произошло в Палестине. Толпы монахов под водительством игумена Феодосия бурно восстали против Ювеналия Иерусалимского; их поддерживала проживавшая в Иерусалиме императрица Евдокия, вдова Феодосия II, которая выступала против политики преемника ее мужа, Маркиана. Когда Ювеналий вернулся из Халкидона, ему не дали занять свою кафедру. Другой участник Халкидонского Собора, епископ Севериан Скифопольский, был убит. Поначалу даже такие уважаемые лидеры монашества, как св. Герасим и св. Геронтий, резко выступили против Халкидона. Лишь позже они сменили свои позиции. В 451 г. единственным твердым защитником Халкидона был великий св. Евфимий - игумен Лавры.

Ювеналию пришлось бежать в Константинополь. Вместо него был хиротонисан игумен Феодосий, а все ведущие епископские кафедры были заняты другими монофизитами. Так, в епископы Маюмские был хиротонисан знаменитый богослов Петр Ивериец. В конце концов Ювеналия вернули на его место с помощью имперских воинских подразделений, после ряда кровавых столкновений с толпами монахов. К счастью, в течение нескольких следующих десятилетий халкидонское православие в Палестине поддерживалось не только воинской силой, но также - и с куда большим успехом - такими великими монашескими лидерами, как преп. Евфимий и преп. Савва Освященный.

В Египте, благодаря жесткой политике Маркиана, на место смещенного Диоскора был хиротонисан халкидонский архиепископ Протерий. Протерий был священником при Диоскоре и, следовательно, твердым кирилловцем. Даже папа Лев поначалу сомневался в его православии. Однако тот факт, что он принял Халкидон, заставил большинство египтян отвернуться от него. Диоскор скончался в своей ссылке в 454 г., и монофизиты, не признававшие Протерия, стали считать александрийскую кафедру вакантной.

(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

После смерти императора Маркиана (457 г.) в Египте разразилось народное восстание, и Протерий был зверски убит толпой в алтаре, во время совершения Евхаристии в Великий Четверг. В ситуации безвластья два антихалкидонски настроенных епископа - Евсевий Пелусианский и Петр Ивериец Маюмский - в оккупированном монофизитами Кесарее, главной церкви Александрии, хиротонисали нового папу - Тимофея, по прозвищу Элур (Кот).

В результате новый император Лев I (457-474 гг.) столкнулся с абсолютным неприятием своей власти в Египте. Кстати говоря, он стал первым римским императором, который был коронован столичным архиепископом. Лев не был богословом. Его церковными советниками были короновавший его твердый халкидонец архиепископ Константинопольский Анатолий, а после его смерти - его преемник Геннадий. С другой стороны, папа Лев настойчиво призывал его принять самые строгие меры против Тимофея. Константинополь, как и Рим, занимал твердую прохалкидонскую политику, причем не только по причинам богословским, но и по практическим: Халкидон утвердил преимущество Константинополя над Александрией.

Однако император не хотел начинать правление с использования силы, к чему его призывал папа римский Лев, и силой водворять в Александрии халкидонского епископа, что Маркиан сделал в Иерусалиме. Одно время он думал даже о проведении нового собора. Но вместо этого Лев I предпринял довольно необычный шаг: он опросил всех епископов Империи и даже нескольких видных монахов (в том числе св. Симеона Столпника) о законности посвящения Тимофея и о значимости Халкидона. Почти единогласно все высказались против Тимофея и за Халкидон. С этим посланцы императора пришли к Тимофею и попросили его подчиниться мнению большинства. Он отказался и призвал народ на свою защиту. Тогда в ход были пущены войска. Ценой 10 тысяч жизней Тимофея удалось арестовать и увезти в ссылку в крымский город Херсонес.

На его место был поставлен халкидонский епископ, которого также звали Тимофей, по прозвищу Салофакиол (Белый Тюрбан) - очень привлекательный и терпимый человек безупречной жизни и репутации. Тимофей пытался предпринять ряд "экуменических" попыток примирения и даже восстановил имя Диоскора в диптихах. Но монофизиты, признавая его добрые качества, не признавали его самого. Подавляющее большинство египетских христиан, после того что они считали невероятным унижением своей церкви в Халкидоне и после кровавых репрессий, предпринятых имперскими войсками, отказывались иметь что-либо общее с Тимофеем, которого они презрительно назвали "имперским человеком", или, на семитских языках, "мелкитом".

Энергичная политика императора Льва, умело сочетавшего методы кнута и пряника, позволила сохранить видимость единства в Египте до его смерти (474 г.). Увы, это внешнее единство не означало справедливого и органичного восприятия Халкидона ни его противниками, ни его сторонниками.

В течение всей второй половины V в. так и не состоялось глубокого богословского дебата о смысле Халкидона. Все ограничивалось лишь политическими баталиями и войной лозунгов. В результате халкидонское определение веры постепенно было изъято из своего истинного контекста и использовалось либо для доказательства того, что старая докирилловская антиохийская христология выжила неповрежденной, со всеми своими недостатками и опасностями, либо для доказательства, что Церковь отошла от богословия св. Кирилла. Как мы знаем, ни та, ни другая точка зрения не была верной.

Преобладание антиохийской христологии среди защитников Собора очевидно. Прежде всего это проявлялось в их интерпретации фразы "а еще тем более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо (Πρόσωπον) и в одну Ипостась", а также в избегании ими теопасхитских формул, относящих страдание Христа к Его Личности. Оба эти пункта, конечно, связаны между собой. Со времени Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуэстийского антиохийцы настаивали на целостности и чистоте как Божества, так и человечества во Христе, которые они называли "природами", "природы" не могут не только смешиваться, но даже быть в подлинном "соединении" друг с другом. Отношения между ними виделись как "соприкосновение",
"сцепление" (συνάφεια), в то время как единство Христа выражалось термином "один Πρόσωπον". Для Феодорита и для многих других халкидонцев выражение "сходящейся в одно Лицо и в одну Ипостась" означало новое, ослабленное значение слова "ипостась" как синонима слова "Πρόσωπον". Если изъять это выражение из контекста, оно, возможно, позволяло такую интерпретацию. Однако весь контекст, в который входили не только всевозможные официальные заявления отцов о своем "кириллизме", но и использование в определении термина "Богородица", подразумевал, что под словом "ипостась" имелась в виду предсущная Ипостась Логоса, Одного из Святой Троицы.

Антиохийская интерпретация халкидонского ороса появляется не только в писаниях Феодорита, особенно в его "Haereticarum fabularum compendium" (453 г.) и в его письме к несторианину Иоанну Эгейскому, но также и в позициях Геннадия, архиепископа Константинопольского (458-471), одного из его преемников Македония (496-511), "неусыпающих" монахов, а также других "халкидонцев" того времени. Общая позиция всех этих защитников Собора была в их нежелании использовать понятие "ипостасное единство" - со всеми вытекающими последствиями. Конечно, формально они не были несторианами - и всегда отрицали, что проповедуют учение о "двух сынах": что предсущный Сын Божий отличен от рожденного в истории сына Марии, - но в то же время, как и их антиохийским учителям Диодору Тарсийскому и Феодору Мопсуэстийскому, им было чрезвычайно трудно признать во Христе подлинное единство субъекта. Это было особенно очевидно всякий раз, когда дело касалось страстей Христовых. Когда им задавали прямой вопрос: "кто пострадал на Кресте?" - они отвечали: "плоть Христова", или: "Его человечество", или: "Его человеческая природа", или даже: "все человеческое в Нем", - то есть всякий раз они говорили о безличностных свойствах. Не признавая существование во Христе второй личности (это было бы уже чистым несторианством), они в то же самое время не могли признать, что если только "кто-то" (а не "что-то") может по-настоящему страдать, то св. Кирилл в своих знаменитых 12 анафематизмах был прав, утверждая, что "Бог Слово пострадал во плоти" (επαθεν σαρκί).

Именно это систематическое нежелание многих халкидонцев принять теопасхизм - что христологически было столь же необходимым, как и утверждение, что Дева Мария была Матерью Бога, а не какого-то другого человека - дало оружие в руки многим противникам Собора.

Конечно, также нужно отметить, что большинство монофизитских полемистов были весьма упрямыми и узколобыми людьми, которые использовали некорректные методы спора. Они были правы, отвергая антиохийское отождествление терминов "ипостась" и "просопон", - но глубоко заблуждались, не признавая, что "ипостась" можно отличить от "физис", и считая, что такое различение несовместимо с мыслью св. Кирилла. Ради верности св. Кириллу Диоскор на Халкидонском Соборе отверг формулу "единство в двух природах", хотя эта формула лишь констатирует факт, что Христос был подлинным Богом и подлинным человеком после соединения природ. Сам св. Кирилл писал: "Плоть остается плотью: это не божественная природа, даже если она плоть Бога; подобно и Слово - не плоть, хотя ради Своего домостроительства Он сделал плоть Своей собственной".

Кирилл даже задавал вопрос: "Как мы можем не соглашаться, что после соединения две природы существуют нераздельно?" Сам Кирилл никогда формально не различал "природу" и "ипостась", но он использовал слово "природа" (или "естество") двояко - и как синоним "ипостаси", и как синоним "сущности": для него Христос был "одной природой воплощенной", но в этом "природном единстве" были две "существующие" природы. Следовательно, халкидонские отцы были совершенно правы в своем стремлении прояснить и уточнить существующую терминологию. Антихалкидонцы также были несправедливы к папе Льву, которого они считали главным злодеем на Соборе. Но в томосе папы Льва, несмотря на весь его западный словарь, содержатся теопасхитские выражения, когда говорится, что Христос является единой божественной Личностью Сына Божия, субъекта Его человеческого опыта и деятельности. Отцы Собора были совершенно правы, назвав Льва "кирилловцем". В письме императору Льву, которое папские легаты доставили в Константинополь в 458 г., папа настолько воспринял кирилловскую терминологию, что даже избегал выражения "в двух природах".

Монофизиты, при всем своем упрямстве и некорректности, оставались фанатичными приверженцами св. Кирилла. Именно своеобразный "кирилловский фундаментализм" не позволял им признать халкидонское определение. Халкидон был для них отступлением от его формулы "одна природа Бога Слова воплощенная". Монофизиты придерживались лишь буквы, но не духа св. Кирилла.

Конечно, отцы Собора воспринимали и томос папы Льва, и халкидонский орос лишь в свете кирилловской христологии, кирилловской сотериологии и убежденности св. Кирилла, что соединение с Божеством не уничтожает человечества, но, наоборот, лишь выявляет его подлинность, в согласии с первоначальным планом Божия творения, - но антиохийские халкидонцы весьма усложнили для последователей Диоскора задачу поверить в это. Халкидонское определение благодаря отсутствию четко выраженного халкидонского богословия превратилось в символ и лозунг (этому способствовало и подкреплявшее его насилие имперских войск). Обе стороны наполняли определение тем содержанием, которое подходило к их эмоциональным, политическим и - несколько позже - этнокультурным тенденциям и интересам. Даже самые лучшие вероучительные определения, разрешая одни проблемы, создают другие. Гениальный Халкидонский орос не был исключением. Как и все формулы, выраженные человеческим языком, он был не полон, особенно в том, что его авторам не удалось с достаточной и убедительной ясностью заявить, что термин "ипостась" означал предсущественную Ипостась Второго Лица Св. Троицы. Нужны были великие умы, наподобие каппадокийцев, разрешивших тринитарные споры, - но таких умов пока не было. Для успеха в миссии примирения требовалась пастырская терпимость, интеллектуальная честность и действительное стремление к единству в истине. Вместо этого мы видим, с одной стороны, христологическую двусмысленность и имперское давление, а с другой - слепой консерватизм, грубую демагогию и - несколько позже - защиту местной обособленности от имперской централизации.

Во время правления императоров Зенона (474-491) и Анастасия (491-518) было предпринято несколько силовых попыток ввести единство путем отказа от обсуждения проблем. Именно в этом смысл опубликования императором Зеноном его знаменитого "Энотикона".

3. Уже во время правления императора Льва I сделалось ясно, что в Египте и Сирии поднимается мощная антихалкидонская волна. Папа Лев скончался в 464 г. Он был единственным видным богословом того времени, признавшим, что твердая приверженность Халкидону требовала верности сотериологическому аспекту христологии св. Кирилла. Эта его позиция была выражена в примирительном письме к императору Льву I (458 г.). Увы, ни один из халкидонских богословов в течение долгого времени не будет занимать такую позицию.

В Антиохии внутренняя церковная борьба стала причиной постоянных перемещений на епископской кафедре. После кратких правлений Максима, Василия и Акакия патриархом стал Мартирий.

Его постоянным соперником был видный монофизитский богослов Петр Гнафевс (Сукновальщик) - весьма яркая личность и талантливый человек. Ему удавалось три раза низвергать халкидонского патриарха и занимать его место. Правда, имперские власти низвергали и его самого, возводя на его место своих кандидатов. Христологические традиции старой антиохийской школы были разгромлены под монофизитским давлением.

(Продолжение в №69)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru
Адрес:
654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 300 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.